

2/2008

Путеводная звезда

школьное чтение



Владислав Крапивин

Дагги-Тиц

ГУМАНИТАРНЫЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
РЕКОМЕНДОВАН МИНИСТЕРСТВОМ
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ
ДЛЯ ПРОГРАММНОГО
И ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ



Журнал
удостоен
награды
выставки
«Пресса»
«Золотой
фонд
прессы-2006,
2007 и 2008»

**Председатель
редакционной коллегии:**
АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

Исполнительный редактор:
АГНЕССА ГРЕМИЦКАЯ

Редакционная коллегия:
ВЛАДИСЛАВ БАХРЕВСКИЙ,
писатель
ВАЛЕРИЙ ВОСКОБОЙНИКОВ,
писатель

ЛИДИЯ ЖАРКОВА,
директор Российской государственной
детской библиотеки

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН,
писатель

Обложка, титул:
ЮРИЙ ИВАНОВ

Художник:
АНАТОЛИЙ СЕМЕНОВ

Над номером работали:
ВИКТОРИЯ ЕРМАК,
СВЕТЛАНА МОРОЗОВА

Корректор:
АННА АРЕФЬЕВА

Адрес редакции:
101990, Москва,
Армянский пер., 11/2а.
Тел.: 625-8200, 623-5868,
факс: (495) 624-2490.

Отпечатано в ОАО
«Московская газетная типография»
123995 Москва, ул. 1905 г. д. 7

Тираж 16 000 экз.
Заказ № 0500

Журнал зарегистрирован МПТР РФ.
Свидетельство ПИ № 77-5947 от 21.12.2000 г.

Учредители:



Российский Издательский
детский фонд, дом
А.А. Лиханов *Карл Гибельс*

© «Путеводная звезда. Школьное чтение», 2008

Представляя СВОЮ НОВУЮ КНИГУ



**Владислав
Крапивин,**
писатель,
г. Тюмень

Отстоять справедливость

Не хочется писать о печальном. Но горести и несчастья вторгаются в жизнь вопреки воле автора. Можно было бы просто рассказать, как нашедший друзей Инки ощутил в себе актерские способности и сделался своим человеком в детском театре «Штурманята». И о забавных приключениях котенка-найденыша, который стал почти взрослым котом Альмирайте. Об играх и приключениях в живописных окрестностях городка Брюсово... Но, оказывается, не все благополучно в этом городке. Над «Штурманятами» висит тяжкая память о чудовищных событиях, которые лишили ребят их командира... Где взять силы, чтобы отстоять справедливость, чтобы не дать рассыпаться и согнуться ребячьему содружеству? Спектакль, который готовят «Штурманята», — веселый и праздничный. Но есть люди, которым плевать на ребячьи праздники. Всяй своей жадной сущностью они убеждены: главное на свете — ее величество Прибыль. Что могут противопоставить этой железобетонной силе Инки, Полянка, их друзья? Наступает момент, когда надо решать: как быть дальше? Мстить? Или, сцепив зубы, продолжать свое главное дело? А еще — как жить, если мать снова уехала неизвестно куда и страх нового одиночества подступает вплотную? Спасение, видимо, все-таки в друзьях. В тех, чье плечо — рядом... Недавно Инки и авиационный диспетчер Егюшин (новый муж Инкиной матери) посмотрели очень старый фильм. Мам пожилой летчик, всю жизнь полагавшийся только на себя, в финале говорит своему десятилетнему сыну: «Человек не может быть один. Не должен...». Эти слова мальчик и взрослый делают основой своего бытия. И дальше будет легче. «Дагги-тиц, дагги-тиц», — подтверждают такое решение неутраченным тиканьем старые ходики, с которыми Инки не расстаются...

95
* 090

Владислав Крапивин

Дагги-Тиц

Повесть



КРАСНЫЙ ФЛАГ С КОСИЦАМИ*

Жизнь в городке Брюсово

Полянка рассказала, как все случилось. Коротко рассказала, с намокшими глазами, но понятно.

— Это все из-за нашего полуподвала, на Штурманской... Хорошее такое помещение, невысокое, но просторное. Мы там занимались, я уже говорила. Был детский клуб... Мы сами там все отремонтировали, рамы починили, стены покрасили. Мелькер все свои деньги на это потратил, которые копил на мотоцикл... А когда все стало, как новенькое, полуподвал сразу понравился начальникам. Даже не начальникам, а одному тут... бизнесмену... Есть в Брюсове такой... по фамилии Молочный... Все старается захватить себе, чтобы сделаться самым главным в городе, главнее мэра, Волчаткина. Этот Волчаткин ему во всем поддакивает. Молочный узнал про наш полуподвал и решил, что там получится хорошее кафе, вроде «Макдоналдса». А Волчаткин сразу устроил комиссию, та явилась и говорит: «Здесь не приспособлено для детских занятий, освобождайте...» Понимаешь, это когда мы столько сил положили... И куда нам деваться? А они говорят: «Куда хотите, это не наше дело...» Тогда Мелькер и сказал им, что будет биться до конца за наш клуб, пусть хоть убивают... Он, конечно, не думал, что они это сделают по правде... А они это сделали. Только не сразу, а по-хитрому... — Полянка сбавила шаг, мазнула рукавом по глазам и стала похожа на ошкетиненного мальчишку.

— Подослали убийцу, да? — тоскливо спросил Инки. Он боялся, что Полянка заплачет по-настоящему.

— Подослали... троих ребят. Восьмиклассников. Потом оказалось, что один был племянник начальника милиции, который друг Волчаткина. Они пришли, будто записаться в клуб. Ну, Мелькер обрадовался, нам старшие мальчишки были нужны, а то ведь только Гвидон да Валерий, на них главная работа, когда что-то надо мастерить. А тут сразу три помощника! Мы тогда как раз достраивали машину «Глюкоза-бенц», старинного вида... Она сейчас в Зоинном сарае...

— И что? Они убили Мелькера? — выговорил Инки. Он суеверно ежился.

— Нет, конечно... Эти трое с неделю занимались вместе с нами, как нормальные ребята. Будто все по-хорошему... Кто мог подумать? А однажды вечером попросились остаться там, в полуподвале допоздна. Будто надо им доремонтировать свой мопед. Мелькер отдал им ключ, сказал: «Как закончите, оставьте в тайничке под косяком». И ушел домой, он там компьютер налаживал. И сидел над компьютером всю ночь. Это все знают: и его отец с матерью это доказывали, и соседи видели его ночью в открытом окошке. А те трое пропали, не пришли домой...

— Совсем пропали?

— Нет, конечно. До утра... Родители у них будто бы перепугались, утром прибежали в клуб, а они говорят: «Нас Мелькер не выпускал, грозил ножом. И заставлял смотреть всякие фильмы... ну, неприличные. И приставал по-всякому...» Ну, сразу шум. Сейчас ведь знаешь, сколько мерзавцев, которые пристают к ребятам с разными гадостями. Поэтому Мелькера сразу в милицию...

Инки знал про мерзавцев (кто про них не знает!). Даже в школе предупреждали. Но Мелькер-то при чем?

— Ведь он же всю ночь был дома!

— Ну да!

— А утром... те трое ведь были одни, почему они домой-то не ушли? Никто ведь не держал!

— Нарочно время тянули... Да еще смотрели те фильмы, они принесли их с собой. А потом, наверно, заснули...

— Но, послушай! Если он был дома, это же легко доказать!

— Легко, если нужна правда. А нужен был полуподвал. Его сразу заперли, печать на дверь поставили. Сказали, что для следствия. А Мелькера через несколько дней увезли в Южнодольск. Посадили там в изолятор. И не в простую камеру, а во всяким зверским уголовникам. Начальник так велел... Те, в камере, может, правда думали, что Мелькер какой-то мучитель ребят. А может, их специально подговорили. В общем, они его избивали каждый день, и он умер от этого через две недели... Понимаешь, Инки, он для ребят всю жизнь отдавал, а эти гады...

Полянка все же заплакала. Тихонько. Хорошо, что не было прохожих. Инки крепко взял ее за

* Окончание. Начало см. в №1/2008.

рукав. Что сказать? «Не надо»? А почему не надо, если такое... такая боль... У него у самого ком встал в горле.

Они проходили мимо водонапорной колонки. Инки надавил рычаг, ледяная вода ударила в ладонь. Инки начал молча смывать с Полянкиных щек слезы. Она не отворачивалась, не спорила...

«А казалось, что Брюсово — такой славный городок», — подумал Инки.

Городок в самом деле поначалу казался славным. Вроде бы похож на Столбы, но добрее как-то. В школе все пошло по-нормальному (даже четверку получил по математике в первый же день). И ребята по прозвищу «штурманята» — они такие... совсем не те, что прискребаются на улицах и хотят отыграться на ком-нибудь за счет своей силы. В них были «магнитные струнки», которые тянули их друг к другу. Недаром с ними была Полянка!

Полянка — это вообще свалившееся на голову счастье, подарок судьбы! Теперь Инки даже не представлял, как бы он жил, если бы не случилось этой встречи! Он засыпал со спокойной радостью, что есть Полянка, а просыпался иногда со страхом: вдруг она приснилась? Но устроившийся под боком Алька-Альмиранте успокаивал его тихим урчанием: «Это по правде»...

И маленький театр «Штурманята» был по правде. И узкая комната-каютка, в которой уверенно говорили свое «дагги-тиц» старые трудолюбивые ходики...

«А может, душа Дагги-Тиц поселилась у них внутри?»

Домашняя жизнь тоже была спокойная. Мать и Егошин, видать, по-настоящему любили друг друга. По вечерам ходили то в кино, то в гости к егошинским друзьям-летчикам. А порой сидели в своей комнате и подолгу о чем-то говорили вполголоса. На Инки смотрели улыбочиво, иногда звали с собой погулять (он, конечно, отказывался). Мать накупила ему разноцветных футболок, с интересом слушала Полянку, когда та забегала в гости и рассказывала про репетиции, и не ворчала, если Инки подолгу сидел у компьютера.

Впрочем, он не часто сидел у него. Чаще — за книжками. Полянка дала ему толстенную книгу «Хроники Нарнии», и оказалось, что это интереснее даже «Тома Сойера» (перечитанного с десятков раз), историй про Смока Белью и «Хоббита». В книге была многоэтажность. То есть от жизни с обычными событиями можно было как бы перемещаться в иные слои, все выше и выше, и там нара-

стала сказочность. Инки читал и примерял все что было в книжке, к себе и Полянке...

«Многоэтажность» ощущалась и в Брюсово. Не всегда, конечно, а если они с Полянкой после школы или репетиций бродили по улицам.

— Смотри... — полушепотом говорила Полянка. — Нездешний городок...

И в самом деле, из башенок на столбах старинных ворот, из дымника на печной трубе, верхушек облетевших тополей и силуэта дальней водонапорной башни вдруг складывался рисунок городка, какие бывают в сказках про Снежную королеву и Бременских музыкантов.

— Полянка, глянь, будто океанский берег...

Выше Лисьей горы громоздилось розовое, с уступами и провалами, облако. Похожее на край материка. На его фоне темнели сизые, вытянутые вверх облачные ключья — словно косые паруса шхун. И казалось даже, будто оттуда долетает морской ветер.

— Полянка, ты была на море?

— Несколько раз. В Севастополе, в Геленджике. А однажды даже в Турции, с мамой...

— А я ни разу...

— Побываешь еще, — говорила Полянка. И не просто ради утешения, а с убежденностью, что Инки и правда не раз увидит морские побережья... И он сразу начинал верить, что так и случится... Тем более что мать как-то обронила: «Будущим летом купим путевки и отправимся куда-нибудь на Юг. Втроем».

Мать и раньше не раз давала всякие фантастические обещания (год назад сообщила, например, что скоро переберутся в Москву). Возможно, она сама верила в эти слова, но Инки-то знал им цену... А в тот раз, насчет моря, он почти поверил. Потому что рядом был Егошин, который деловито кивнул.

Егошин никогда ничего не говорил зря. И вообще говорил мало. А если что-нибудь скажет — значит, в точку. Наверно, его приучила к словесной четкости диспетчерская работа. В ней болтовня опасна. Известно ведь, сколько раз самолеты грохались из-за разгильдяйства наземных служб...

У Инки с Егошиным отношения были... да, пожалуй, не было отношений. Егошин поглядывал спокойно и даже по-приятельски, но ни о чем не спрашивал, дневник посмотреть не просил (этого еще не хватало!), поручений никаких не давал. Его пожилая сестра Маргарита Леонтьевна, которая часто приходила помочь по дому, была решительней. Иногда заявляла: «Сударь, отчего бы вам не оказать услугу престарелой даме и не подмести на

кухне?» Бывало, что Инки подметал. Или мыл посуду. Или ходил в овощную лавку за капустой и картошкой. Но случалось, что хмуро отвечал: «Потом. Я уроки учу...»

Он и правда делал теперь иногда домашние задания (не то, что в прежней школе). Неловко было перед Полянкой, если мямлишь у доски. Особенно по французскому.

А Егошин лишь один раз обратился к Инки с просьбой:

— Смок, не мог бы ты помочь с дровами? Надо напилить, а у меня спина забарахлила...

Инки сразу сказал, что может. В самом деле, раз у человека спина...

В дровах нуждалась нагревательная колонка, которая грела воду для ванны и для кухни. Метровые бревна лежали в дровянике, приткнувшемся во дворе у забора. Инки и Егошин уложили сосновый, с золотистыми чешуйками, кругляк на козлы, Егошин при этом морщился.

— Может, потом? — сказал Инки. — Трудно тебе...

— Ничего, я в норме, — отозвался Егошин. И взял двуручную пилу.

Инки раньше видел такую пилу только по телевизору — там намазанный белилами клоун играл на ней смычком воющую мелодию. Инки честно предупредил:

— Я раньше никогда не пилил.

— Освоишь. Чего мудреного...

Оказалось, и правда, дело нехитрое. Главное — поймать нужный ритм. Инки поймал: «Дагги-тиц... дагги-тиц...» Нарезали шесть коротких кругляков, Егошин взял топор и поморщился опять.

Инки сказал:

— Дай, попробую...

— Попробуй. Осторожно только.

Дрова разве можно рубить осторожно? Сначала Инки чуть не всадил топор в башмак. Но потом дело пошло. Сосновые чурбаки были прямослойные, раскалывались легко. Инки сам отнес в охапках полешки в дровяник.

Там он увидел висевший на стене велосипед. Старый и слегка ржавый. Вернулся и спросил:

— Велик в сарае твой?

— Мой. Дано не пользовался. Надо наладить да руки не доходят. К весне почию, можешь кататься... Хочешь?

— Не знаю... Я и ездить-то не умею толком.

Егошин сказал опять:

— Освоишь. Чего мудреного...

Но здесь надо уточнить, что речь идет о времени уже более позднем, чем то, когда Полянка рассказала про Мелькера. О начале зимы...

А рассказ Полянки придавил Инки немалой тревогой и печалью. В тот вечер он даже забыл подтянуть гирю ходиков, и утром оказалось, что они стоят. В этом почудилась дурная примета, угроза. Он торопливо поднял на цепочке чугунную шишку, поставил точное время, ходики защелкали, но в их «дагги-тиц» Инки слышал неуверенность и упрек.

Он не стал завтракать (сказал матери и Маргарите Леонтьевне «отвяжитесь вы»), а в школе, в ответ на Полянкины «что с тобой?» поведал про часы и про примету. Даже сказал честно:

— Полянка, я чего-то боюсь...

Конечно, она ответила, что бояться ничего не надо (и задела пальцем его висок). И дала большое желтое яблоко — оно слегка утешило Инки.

После школы они вдвоем пошли к Инки домой. Ходики тикали исправно, Алька сидел под ними и задумчиво следил за маятником, качал ушастой головой. Эта мирная картина утешила Инки еще больше, чем яблоко. Тем более что Полянка была рядом. Они поели на кухне вареной картошки с селедкой, дали Альке порцию кошачьей пищи из пакета. И Полянка сказала:

— Давай погуляем. Я тебе покажу улицу, которой ты еще не знаешь. Она такая... в общем, увидишь...

День был холодный, с изморозью и снежком, но ясный. Синий. Полянка повела Инки по Нагорной, потом они свернули налево, миновали большой торговый центр «Магиструс» («Заведение столичного типа, — хмыкнула Полянка. — Владелец, конечно же, господин Молочный. Я сюда никогда не хожу...»). Потом они попетляли по деревянным переулкам со спусками-подъемами и мостиками, вышли на берег пустоши с замерзшими тростниками. Левее того места, где Инки впервые повстречал «штурманят». Отсюда, рассекая болото прямой чертой, уходила вдаль широкая дамба.

С двух сторон от нее — окнами и крылечками к зарослям, задними стенами к насыпи — тесно стояли домики с высокими трубами и узорчатыми решетками на гребнях крыш. С балкончиками и флюгерами...

«Вот это да...» — ахнул про себя Инки. И уже не удивился, когда над калиткой крайнего домика увидел табличку: «Земляной вал».

— Сначала хотели, чтобы этот вал шел через все болото, — говорила Полянка. — Строили, строили, а потом оказалось, что дальше в болоте холодные ключи, они размывали насыпь... Тогда решили продолжить от нее до того берега мост. Чтобы все-таки была прямая дорога до Ихтымска. Но там взорвались склады со снарядами, все испугались, и с той поры

про мост уже не думают... Получилась «Дорога в никуда», как в кино, которое недавно показывали...

Инки не отвечал. Сердце стучало, будто он разом провалился из обыкновенности в давний знакомый сон. В свою сказку. Инки машинально искал глазами жестяную фигурку котенка на кирпичной трубе. Котенка не было. Но все остальное казалось таким привычным... Правда, и загадочным тоже...

Они шагали по бетонным плитам.

— Зимой, по застывшему болоту, накатывают от конца вала на ту сторону дорогу, — рассказывала Полянка. — А летом не пройдешь. Говорят, путь есть, по кочкам, по досочкам, по скрытым тропинкам, только его мало кто знает. А кто не знает, может угодить в трясины...

Инки слушал в пол-уха, думал о своем. Конечно же, о Борисе. «Значит, он из Брюсова! Значит, можно его повстречать...»

— А насыпь все равно пригодилась! — увлеченно говорила Полянка (видать, нравилось ей быть экскурсоводом; и Земляной вал нравился). — Земля-то по сторонам от нее оказалась ничья, вот и стали тут строить жильё всякие... люди. У которых мало денег. Пенсионеры, неизвестные художники, бродяги даже. Такие, у которых обманом отобрали квартиры. Ну и... знаешь, те, кому хочется необычной жизни.

Только сейчас Инки заметил, что и правда — домики-то скороспелые, склепанные из чего попало: бетонных панелей, досок, фанеры, кирпичей, бревен и даже рекламных щитов. И крыши лоскутные — из жести, разномастной металлочерепицы, теса, неровных кусков шифера. Сказочная причудливость была здесь из-за металлических узоров и решеток, из-за флюгеров и теремков над трубами.

Полянка говорила:

— Были бы здесь простые хибары, но нашелся человек с такой вот фантазией. Бывший театральный художник. Нам про него Мелькер говорил. Начал этот человек варить из всякого железа такие вот штуки и украшать ими все, что построено. Жителям понравилось. Вот и получилась улица, каких больше нет нигде.

А Инки вдруг толкнула догадка. Страшноватая, сразу обдавшая его тревогой — вроде той, что из-за остановившихся ходиков.

«Да нет же! Так не бывает!.. Чтобы такое совпадение...» Но почти сразу догадка стала уверенностью. Без всякой, казалось бы, причины, однако: «Бывает... Так оно и есть...»

Хотя почему без причины? Много ли на свете взрослых людей, которые могут на улице сесть ря-

дом с незнакомым пацаном, поговорить по-доброму и предложить в подарок гирию для часов?

— Полянка, Мелькер был какой? Ну, с виду?

Она сбилась. Вроде бы, даже обиделась. «Я тебе про улицу, про дома, а ты о другом...» Но тут же что-то поняла. Глянула с той озабоченностью, когда чуяла в Инки какое-нибудь беспокойство.

Он быстро сказал:

— Кажется, я встречал Мелькера в Столбах. Весной. Похоже, что это он подарил мне гирию... И рассказывал про эту улицу... Полянка, он какой? — сказать опять слово «был» Инки не смог.

Полянка несколько шагов сделала молча, с опущенным лицом.

— Ну... незнакомым могло показаться, что некрасивый. Нескладный такой, длинный. Носатый, усатый... Но... мы-то знали, какой он по-настоящему.

Инки быстро кивнул: понимаю, мол.

— Усы... рыжие, да?

Она глянула испуганно:

— Да...

— А фотография есть?

— Есть, конечно. У Зои. Только у нее лучше не спрашивать, разревется. Она же любила его... ну, будто жениха. Может, и поженились бы, если бы... — Полянка по-детсадовски шмыгнула носом.

— А больше... ни у кого нет?

— Есть у Гвидона. Только... он иногда еще больше, чем Зоя... Делается вдруг такой нервный. Они же с Мелькером были самые-самые друзья. Говорят, Гвидон у него жил долгое время, когда мама умерла, а отец запил. Ему тогда было одиннадцать лет... Когда Мелькера убили, Гвидон хотел кинуть бутылку с бензином в окно милиции. Зоя с него целый месяц глаз не спускала, еле отговорила...

Вот какие, оказывается, беды прятались внутри маленького ребячьего театра. А Инки ничего не знал!

— А я ничего не знал... Ты не говорила...

Полянка умудренно объяснила:

— Инки, про такое ведь не рассказывают сразу. Человек об этом узнаёт постепенно... Ну, когда живет среди других. Среди друзей...

«Да. Вот и я постепенно...» Инки не стал обижаться. Только сказал:

— Надо бы все же посмотреть на фото...

— Выберем момент и попросим у Гвидона...

Момент выпал через три дня, когда собрались у Зои, чтобы посоветоваться: снимать «Муху-Цокотуху» на видеопленку («и где для этого взять личную камеру») или придумать что-то новое?

Спорили, спорили (только Инки помалкивал) и решили, что новое лучше. Может быть, вроде «Принца и нищего» — там могли бы участвовать близнецы Славик и Ромка. Инки облегченно вздохнул: не надо больше при всех объясняться мухе в любви (пусть она и Полянка!). Потом был перерыв, Зоя пошла ставить чайник, а Полянка поманила Инки на лестничную площадку.

Там, у окна между пролетами, стоял и смотрел во двор Гвидон. Полянка подошла, дернула за рукав и храбро (не так, как ожидал Инки) сказала:

— Гриша, послушай-ка, Инки хочет посмотреть фотографию Мелькера.

Гвидон медленно (как Егошин, когда у него болит спина) обернулся. Спросил невнятно:

— Зачем?

Лицо Гвидона было не сердитым, но... подозрительным каким-то. Глаза из-под темной косой челки смотрели неласково. Полянка, однако, не смущалась:

— Он говорит, что, кажется, встречал его в Столбах. Там, где жил раньше...

Гвидон свел брови, хотел спросить что-то еще, но вдруг рывком расстегнул джинсовку. Достал из внутреннего кармана черную записную книжку. Вынул из нее снимок размером с сигаретную пачку. Взял в ладонь.

— Вот...

— Борис... — тут же сказал Инки. Потому что это и был Борис — живой, улыбающийся, знакомый.

— Ну... да, — лицо Гвидона стало помягче. — У него такое имя. А Мелькер — это он для нас...

— Конечно, — кивнул Инки чуть виновато. — Я не знал...

Гвидон опять отвернулся к окошку, но так, словно позвал Инки встать рядом. И тот встал. Почувял спиной, что Полянка деликатно ушла в комнату. Она всегда все понимала...

— А где ты с ним виделся? — глуховато спросил Гвидон.

— На улице Торфодобытчиков. У него там была любимая скамейка. А у меня... тоже... Вот и сошлись случайно... Он там прятал в тайнике сигареты...

Инки спохватился, что выдает «курительный» секрет Бориса, но тут же горько понял: «Теперь-то не все ли равно...»

— А о чем говорили? — прежним тоном спросил Гвидон.

— Да о всяком... Про мои часы. Я сказал, что у ходиков нет гири, а он обещал привезти в следующий раз...

— Привез?

— Да... Только я про это не знал до осени. Потому что не пришел, когда договорились, ногу повредил. А потом приходил много раз, но его не было... Я ходил, ходил. Не из-за гири, а так... А недавно, перед отъездом, догадался сунуть руку в тайник. А она там...

— И часы идут... с ней?

— Еще бы... — сказал Инки.

Потом они стояли молча. Внизу, за окном, были замороженные клены и железные гаражи, от которых, кажется, даже здесь пахло ржавчиной.

Инки вдруг почувствовал, что рука Гвидона обняла его за плечо.

— Спасибо... — выдохнул Гвидон.

Инки не удивился и не спросил, за что спасибо. Начал водить пальцем по стеклу. Гвидон свободной рукой взял его за ободранное запястье, придержал:

— Откуда такие царапины?

— А! Воевал с Алькой. С котенком... Он ласковый, только бестолковый...

Гвидон отстранился и смотрел уже иначе, с живым таким интересом.

— Цапает когтями, да?

— Ну да! Начинаешь гладить, а он давай отбиваться, будто его съесть хотят... Это не всегда, а если дурь найдет... Начинает вот так... — Инки согнутыми пальцами, будто кошачьей лапой, помахал в воздухе, выгнув спину и пошипел. Само собой получилось.

Гвидон засмеялся. Будто уже совсем другой Гвидон:

— Инки, ты по правде котенок. Ты покажи это Зое...

— Что?

— Свои кошачьи повадки.

— Зачем?!

— Она сразу навесит на тебя новую роль.

Инки тихо взвыл:

— Какую еще роль?

— Бродячего котенка Оськи...

Оська и Беатриска

Через неделю Инки сказал бестолковому Альмиранте:

— Все из-за тебя, мочалка драная...

Это было поздно вечером, когда Инки улегся спать, а соскучившийся Алька прыгнул ему на грудь.

— Все из-за тебя... — Инки хлопнул его мизинцем по носу. Не сильно, а так, для порядка. Альмиранте отмахнулся растопыренной лапой. Тоже для порядка. И вопросительно зевнул розовым ртом. Мол, я-то при чем здесь?

— А вот при том... Если бы не царапался, Гвидон бы ничего не заметил. И меня бы не сделали Оськой. А теперь опять не жизнь, а мученье!

Алька зевнул снова широко и пренебрежительно: «Врешь ты про мученье. На самом-то деле рад...»

Конечно, Алька был прав (так же, как правы были Сим и Желька, которые свесились с лески вниз головами, хихикали и поддакивали котенку). Инки нравилось быть Оськой. Ну, сначала он, разумеется, увязал в стыдливости, ощущал себя замороженным, однако после первой репетиции это прошло. Инки заставил себя как бы влезть в черно-белую шкурку Альмиранте и... в нем проросли все котеночьи повадки. Он потягивался, как Алька, зевал, как Алька, урчал, как Алька, поедая кусок вареной колбасы. И замахивался «когтями», когда колбасу хотели отобрать. И совершенно по кошачьи гонял из угла в угол шарик из скомканной газеты.

Ребята и Зоя покатывались от смеха. И звонче всех смеялась Полянка...

Пьеса была написана давно. Года два назад Зоя прочитала книжку Сетона-Томпсона «Животные-герои», там была повесть «Трущобная кошка». Зое показалось, что можно сделать из этой истории забавный мюзикл, и она стала «клепать» сценарий. Там от повести почти ничего не осталось. Зато появились всякие персонажи, которых не было у Сетона-Томпсона. Например, всегда голодный, но неунывающий Оська.

Сценарий так понравился Борису, что он тут же сочинил стихи для песенок. Но поставить пьесу не сумели. Как-то «не пошло». Не оказалось ребят, которые умели бы почувствовать себя кошками. Вместо этого устроили для себя и для окрестных мальчишек турнир лучников «имени Робин Гуда», а тетрадка с пьесой легла на дальнюю полку... А теперь вот снова появилась на свет.

Инки сразу понял, что он обречен. От «штурманят» ему деваться было некуда, а подвести друзей — немислимо...

После разговора с Гвидоном Инки стал в этой компании совсем своим.

Даже после премьеры «Мухи-Цокотухи» он все же оставался новичком. Все к нему относились по дружески, все хвалили за «комариную роль», однако по-настоящему своей была здесь для него лишь

Полянка. Она — как ниточка между Инки и остальными «штурманятами». А когда все узнали, что Инки раньше был знаком с Мелькером (пусть совсем немного — это неважно!), будто лопнула тонкая стеклянная перегородка.

Потому что он, как и другие, знал живого Бориса.

Память о Борисе была здесь во всем и всегда. И печаль о нем — тоже всегда. Еле заметная, спрятанная очень глубоко, но не исчезающая. Инки уже чувствовал, что крохотный ребячий театр — выгнанный из-под своей крыши, потерявший самого главного человека, хлебнувший всяких бед — не просто живет. Он живет, преодолевая эту печаль. Вопреки несправедливости и злу. Потому что, пока живут они, живет и Борис.

И теперь, когда стали звучать придуманные Мелькером песни, он будто и правда то и дело оказывался среди ребят.

Пьеса называлась «Бегство рыжей звезды».

Рыжей звездой была уличная кошка Беатриска. Она вела голодную и вольную жизнь, дружила с другими кошками и больше всех — с маленьким Оськой. Два жулика решили сделать на Беатриске бизнес: поймали ее, отмыли, откормили, превратили в пушистую красавицу, придумали ей породу «королевская аналостанка» и поместили на кошачью выставку. Случилась сенсация. Беатриска стала экспонатом номер один. Получила кучу дипломов и медалей. Вокруг нее вертелась толпа репортеров. Бывшая беспризорница спала на атласных подушках, ела деликатесы известных фирм, ею восхищались тысячи любителей и знатоков... Но платой за все была клетка. И тоска по Оське...

А Оська никогда не бросал друзей в беде...

Инки выпало третий раз спасти Полянку. Сначала спас, когда она была стрекозой, потом — когда мухой, и вот теперь опять... Тут уж никуда не денешься...

Сперва Зоя хотела, чтобы Беатриску играла Света. Во-первых, она и вправду рыжая, во-вторых, заметно было, что есть в ней, как и в Оське, кошачьи повадки. Но на первой же репетиции умная Света решила:

— Не-е... Лучше я буду продавщицей сосисок. А Беатриской пусть будет Поля. Потому что Инки, когда играет, смотрит на меня, а думает все равно о ней...

Это было настолько правдой, что не имело смысла даже смущаться. И никто не засмеялся. Чего смеяться над очевидностью. Только Полянка жалобно возразила:

— Какая из меня кошка...

— Вы-дрес-си-ру-ем, — выговорил трудное сло-

во маленький Никитка. И вот тогда раздался смех, обрадованный и необидный.

Никитка был человек решительный и «лишенный комплексов» (по словам Зои). Он ничуть не смутился, когда узнал, что ему придется исполнять в спектакле несколько песен. За котенка Оську, за утреннее Солнышко, за растущие на улице цветы (сразу за целый газон). Потому что у других «артистов» голоса были совсем никакие, а у Никитки — чистый и звонкий.

Инки обмер, когда подумал было, что ему придется петь на сцене. Ладно, в котенка он превратиться еще мог, но в Иосифа Кобзона или Аллу Пугачеву... Ему объяснили, что на магнитофон запишут Никиткино пение, а Оське придется лишь делать вид, что поет.

— Это называется «исполнение под фанеру», — объяснила Зоя. — Прием не очень честный, но его используют даже знаменитости, когда им лень стараться. А нам тем более простительно...

— Но орать дурным голосом придется самому, когда тебе наступят на хвост, — заметил один из близнецов, то ли Ромка, то ли Славик, оба они были не лишены юмора.

Впрочем, Инки уже знал, что эти два шестиклассника никакие не близнецы и вообще не братья. Просто «игра судьбы и природы» (опять же по словам Зои). Редкий случай свел в одном городке двух удивительно похожих мальчишек, и они подружились благодаря такому сходству. И гордились им, и порой пользовались для всяких фокусов. И мечтали о спектакле «Принц и нищий», но это, говорила Зоя, будет позже, «когда соберемся с силами»...

В компании «штурманят» вообще знали всё про всех. Даже то, что бесстрашный Никитка боится темноты, что меланхоличный и вроде бы неспособный к нежным чувствам Валерий Князев, одноклассник Гвидона, безнадежно влюблен в молоденькую учительницу музыки (она это и сама знала и жалела Валерку, но что делать?). И что у Зои «хвост» по математике и родители недовольны ее возней с «этими пиратами», но махнули рукой. И что у Юрася нелады с английским и родители наняли для него репетиторшу (ведьма, как в кино «Замок на болоте» — видели?) и грозят его выдрать, если он хоть разик сбежит с занятий, а он сбежал уже два раза, но она почему-то не наядбедничала...

Только про Инки знали не всё. Никому, кроме Полянки, не рассказывал он о Дагги-Тиц. Не то чтобы стеснялся, а думал, что история о погибшей мухе может показаться до невозможности мелкой

и даже обидной по сравнению с гибелью Бориса. А это было совсем разное, и одна печаль не исчезает, если живет рядом с другой...

Пьеса «Бегство рыжей звезды» была не маленькая. И гораздо серьезнее «Мухи-Цокотухи». «Не в пример сложнее в психологическом плане, — высказывалась Зоя. — Здесь характеры...»

Спектакль должен был начинаться песней Солнышка — оно появлялось над крышами города. Вернее, над картонными кровлями собирался возникнуть Юрась в рыжем парике, в щетине лучей из фольги и сделать вид, что поет, а за кулисами включали магнитофон. И звучал Никиткин голос:

*Ночью все кошки серы —
Это ясно, как банка консервов,
Потому что нет светлого дня,
Если нету в небе меня.*

*Но едва над землей начинается день,
Кошкям всем на себя любоваться не лень.
Всякий кот станет бел, полосат или рыж,
Только я появлюсь из-за крыш.*

*Чтоб кошки не были серы,
Я с утра принимаю меры:
Краски лью на них с высоты —
Расцветайте коты, как цветы.*

«Расцветали» перед зрителями несколько пестрых кошек и среди них, на первом плане, Инки.

*А я бродячий котенок Оська!
Когда сосиски несут в авоське,
Люблю их цапать, подкравшись сзади.
Одной сосиски мне хватит на день.*

*Не знаю мамы
И папы тоже,
Сестер и братьев не знаю я.
И часто голод мне брюхо гложет.
Зато здесь всюду
Мои грузья.*

*Я здесь родился, мои здесь корни,
Меня здесь любят дитя и дворник.
Меня гоняет лишь пес-бродяга,
Но до забора — всегда два шага.*

*Все эти крыши
И все заборы,
Домов заброшенных
Все этажи —
Весь этот город,
Да, этот город,
Мне этот город
При-над-ле-жит!*

Начиналось утро на городской улице, появлялась торговка сосисками, Оське удавалось стащить у нее пару сосисок и поделиться с Беатриской. Затем они разбегались по своим делам, а на сцене появлялся Лесник (то есть Валерий Князев с подушками под зеленым кафтаном и в шляпе с пером).

*Сюда забрел я лишь на час —
Заставили дела.
Как можно жить, спрочу я вас,
Когда кругом бедлам?*

*Я этой жизни не снесу,
Совсем, совсем я скис,
Поскольку жить привык в лесу,
Поскольку я лесник.*

*И для людей, и для зверей
Здесь, в городе, беда...
Эй, кошечка, давай скорей
Беги ко мне сюда! —*

Это он появившейся Беатриске.

Она была легкомысленным созданием — не совсем еще взрослая, хотя и постарше Оськи. И пошла к Леснику, от которого пахло вкусной домашней пищей. Тот сгреб беспризорницу и отнес в свой лесной домик.

Сперва Беатриске у Лесника понравилось: свежей рыбки и молока — сколько угодно, кругом прекрасная природа. И Лесник оказался добрым дядькой. Но... она была уличным созданием и долго не выдержала. Загрустила по мусорным кучам, по городскому шуму, по Оське и даже по вредному псу Бурбону, который готов был «р-разорвать всех на свете котом и кошечкой», но не разорвал ни одной, а, наоборот, отбивал их от живодеров.

Но от двух хитрых жуликов отбить Беатриску Бурбон не сумел. И через какое-то время было объявлено, что на кошачьей выставке появится новая «звезда» небывалой красоты.

Директор выставки (опять же Валерий Князев) солидно извещал зрителей:

*Выставка, выставка,
Вдоль забора — клетки.
Кошки пожилые,
Кошки малолетки...*

Кошки в клетках ему подпевали:

*Гладкие, пушистые
И короткохвостые —
Все мы соответствуем
Требованиям ГОСТа.*

*Прочитай внимательно
Наши имена ты.
Мы теперь не просто кошки,
Все мы — экспонаты.*

Директор продолжал:

*Кошки из Австралии,
Кошки из Италии.
Сразу после выставки
Всем раздам медали я.*

*Кошки из Ангорры,
Кошки из Сиамы!
Но кого сочтете вы
Самой-самой-самой?*

Дружно вмешивались зрители:

*Лучше всех, конечно,
Эта иностранка.
Эта королевская
А-на-ло-станка!*

Беатриска была особой не только легкомысленной, но и честолюбивой. Сидя в позолоченной клетке, она соглашалась со зрителями:

*Ах, как получилось все чудесно.
Я была худой и беспризорной,
А теперь я стала всем известной,
Сделалась особой благородной.*

*На меня глядит толпа народа,
На обед дают деликатесы.
Про меня восторженные оды
Пишут городские поэтессы.*

*Подо мной тюфяк из мягкой ваты,
Здесь не отлежу свои бока я...*

Но тут голос ее менялся:

*...Только почему-то скучновато,
Ну да к скуке быстро привыкают...*

Нет, не привыкла:

*Только вдруг припомню на минутку
Мусор и бидоны у киоска...
Странно, что уже вторые сутки
Почему-то не приходит Оська...*

*Но зато есть сливки и сметанка,
Много мяса и медаль в награду,
И теперь я кошка-дипломантка...*

Но совсем мне этого не на-аго-о!

Оська (то есть Инки со всеми своими кошачьими ужимками) рано утром проникает за колючий забор, дергает засов клетки, хватает Полянку за руку, кричит без всякой музыки:

*Беатриска, ты совсем рехнулась?
Хорошо, что я тебя услышал!
...Хорошо, что Солнышко проснулось —
Красит в рыжий цвет котов и крыши.*

*Удирай отсюда, Беатриска!
Надо вольно жить на белом свете!
Счастье жизни вовсе не в сосисках —
Это знают все коты и дети!*

И дети-зрители (специально подготовленные, конечно), и все, кто на сцене, подхватывают хором, уже с мелодией:

*Нас вы не заманите в квартиры,
Нас вы не накроете сетями!
Даже полицейские мундиры
Кошки могут изограть когтями!*

*А жадюгу, вора и бандита
От обжорства разнесет на клочья!
Пусть он даже золотом набитый,
Пусть он и кефирный, и молочный...*

Конечно, заключительное четверостишие было «пришей кобыле хвост», это самокритично признавала Зоя. Но в то же время и она, и все ос-

тальные ни за что бы от него не отказались. Потому что последнее слово там было не «молочный», а «Молочный».

Это как плевок в того самого гада.

Гвидон

...Кстати, скоро Инки увидел этого гада по телеку. В комнате у Зои. Несколько человек там обсуждали, как лучше сделать кошачьи маски (покрасить или оклеить шерстью?) и включили между делом «Новости региона». И там-то выступал перед зрителями Семен Семенович Молочный, кандидат в областную думу. Он обещал, конечно, своим избирателям рай на земле, если его выберут в депутаты.

— Вы и так уже немало потрудились для нашего города, — заулыбалась юная телеведущая с густым слоем косметики на лице. — Чего стоит один ваш торговый центр...

— Я стараюсь, — кивнул Семен Семенович без выражения.

У него была бритая голова, в которой, как в фарфоровой колбе, отражались лампы. Этим он и запомнился. А лицо... оно было никакое. Гладкое, кругловатое, с прямым, как у манекена, носом. Разве что рот был великоват, немного лягушачий, но губы почти не шевелились (лишь иногда раздвигались в автоматическую улыбку). А глаза смотрели строго перед собой. В какую-то одному ему понятную даль. Возможно, кандидат и бизнесмен Молочный видел там свои будущие великомасштабные дела...

Инки поразился, что Молочный оказался именно таким. А то ведь мог выглядеть красавцем или добродушным дяденькой, и тогда трудно было бы представить его виноватым в гибели Бориса. А этот был как большая кукла...

— Но скажите честно, — улыбалась ведущая, — вам ведь не всегда все удается легко. — Немало было и помех, и всяких наветов, и...

— Все было, — согласился Молочный, глядя в даль. — И будет еще. Но я знаю свою задачу. У меня есть цель — благо людей.

— Не все люди, однако, это ценят... Говорят, вы всегда ездите в машине один, чтобы не подвергать опасности водителя, если найдутся злоумышленники...

Молочный впервые улыбнулся пошире. И снисходительно:

— Я не боюсь злоумышленников. От судьбы не уйдешь. Но я в нее верю, в свою судьбу.